

Александр Феодосьевич Бестужев

О воспитании частном

Александр Феодосьевич Бестужев
О воспитании частном
Серия «О воспитании», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4616427

Аннотация

«Воспитание вообще есть наука, каким способом образовать, научать детей так, чтоб они учинились полезными и приятными для семейства своего, для отечества и были бы в состоянии доставлять и для самих себя благополучие...»

Содержание

Александр Феодосьевич Бестужев О воспитании частном

Воспитание вообще есть наука, каким способом образовывать, научать детей так, чтоб они учинились полезными и приятными для семейства своего, для отечества и были бы в состоянии доставлять и для самих себя благополучие.

«Легче, – говорил Теогнис, – дать жизнь, нежели добрую душу». Вот что воспитание должно постановить себе правилом. Всё доказывает нам, что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни к злу¹, но что приносит только способности к восприятию тех нужд, коих он сам собою удовлетворить не в состоянии, страстей более или менее стремительных, смотря как телосложение и свойство его расположено от природы. Воспитать дитя – значит употребить его естественное расположение, его свойство, его чувствительность, нужды, страсти на его усовершенствование или на учинение его таковым, каковым быть ему желаешь; сие значит показать ему, что ему любить и чего убегать должно,

¹ Бестужев в своих философских воззрениях исходит из известных сенсуалистских предпосылок Локка и французских материалистов XVIII в. о том, что нет врожденных идей и что сознание ребенка является «чистой, доской», на которую только жизненные обстоятельства накладывают свой отпечаток, формируя человеческий характер.

и снабдить его всеми теми средствами, которыми он может или приобрести желаемое, или избегнуть того, что ему ненавистно кажется; сие есть возбудить желания его к известным предметам и от других воздержать. Страсти, удачно направляемые, то есть полезно и для него и для прочих устремленные, сопровождают к добродетели, но оставленные буйству оных или худо направляемые учиняют его порочным и злым.

Некто славный нравоучитель² воображал, что воспитание все может произвести над человеками и что все они равно удобны к восприятию образования, какое дать желаешь, поелику известно, как должно располагать их пользами; но опыт нас научает, что есть таковые дети, в разуме которых не можно возжечь никакого сильного впечатления, есть такие, которые ни к чему не пристрастны, есть робкие и отважные, есть опять ленивые, которых беспрестанно понуждать надобно, и находятся таковые, которых с трудом можно воздерживать. Есть имеющие природные дарования, другие тупы, у иных членосоставление слабо, у иных крепко, есть нравы тихие или возмутительные, недопускающие к себе никакого ограничения; мы видим души поверхностные и слабые, коих ни к какому предмету устремить не можно, как есть между тем такие, коих разум так стеснен, что никакое средство неудобно к чему-нибудь его побудить. Следственно, обманываются те, которые полагают, что воспитание во

² Имеется в виду, несомненно, Локк, с которым автор в дальнейшем неоднократно полемизирует.

всяком человеке произвести может все, чего желаешь; воспитание распространяет только полученные от природы способности; оно тогда только с успехом сеять может, когда землю таким образом естество приуготовило, что может она соответствовать тем попечениям, которые для нее употреблены будут.

Самое начальное воспитание сперва занимается образованием, возвращением, укреплением тела, научает, как должно в пользу себе обращать члены, учреждать надобности, воздерживать волнение страстей, естли оные противны его благосостоянию; сие первоначальное воспитание предопределяет в воспитывающемся те существенные способности, которые производят влияние на все продолжение жизни. Но родители не обращают довольно внимания своего на сию первейшую часть воспитания, они поручают детей попечению кормилиц, потом смотрительниц, исполняющим умы воспитанников своих страхами, ложными понятиями, пороками и глупостями, какими они сами заражены; и из их рук вышедших детей увидишь привыкнувших ко лжи, обманам, к малодушию, обжорству, к неге. То развращаемые угождениями и ласкательством, то невременно исправляемые, они находятся уже исполнены противоборствующими страстями, многими обдержажими их заблуждениями и предрассудками, до самого последнего конца жизни их мучащими и которых последственное воспитание, хотя бы и благоразумно было, не в состоянии уже истребить. Первые самые минуты жизни, во-

обще сказать, бывают пренебрежены, но заслуживают, чтоб подумано было об них с лучшим вниманием; они завсегда почти определяют человеческой *нрав*. Платон приписывает падение Кирова престола³ тому, что по смерти дети его поручены были воспитанию женщин, которые, угождая возраждающимся страстям, не побуждали их к добродетелям, кои были бы их достойны.

«Ты человек, – сказал Менандр, – то есть животное, более всех к переменам счастья расположенное». Взяв сие за основание, воспитание не должно быть поверяемо женщинам, которые вместо того, чтоб укрепить дитя, расслабят его еще более, нежели как он сотворен от природы. Непостоянство жизни человеческой заставляет богатых принять непременно законом, дабы они детей своих не к роскоши, тщеславию, нерадению и беспечности приучали, но чтобы заблаговременно упражнениями и трудами укрепляли их тело, предваряли разум против нечаянных поражений рока. Ничего нет несчастливее, как видеть детей, воспитанных родителями тщеславными, привязанными к чувственным наслаждениям, к нежностям, ибо подобное воспитание заставит их почувствовать всевозможные огорчения, какие только в жизни вообразить можно. Оно отъемлет у людей ту доброту, то действие, то сильное сложение, которые приличествуют

³ Имеется в виду падение древнеперсидской династии Ахеменидов, представители которой Кир Старший и Кир Младший (VI в. до н. э.) вели безудержные завоевательные войны, приведшие их к гибели.

их полу. Расслабление, лень и роскошь производят бесполезных членов обществу и тягостных самих себе. Дети, причившиеся к пышности, нежности, видя себя беспрестанно услуживаемых, могут быть в продолжение жизни весьма несчастливы, когда увидят себя лишенными тех пособий и покоя, которые привычки постановила им необходимостью. Что принадлежит до женщин, они должны иметь воспитание больше мужественное: оно, придав им силы, сделает их способными раждать детей с большею крепостию, оно отвратит их от множества слабостей, болезней, каким они обыкновенно бывают поработаны. Но от самой нежной юности воспитание, кажется, поставило себе предметом, чтоб ослабить у детей тело, разум и сердце помрачить ложными понятиями, губительными страстями, а наипаче тщеславием, которому более всего стараются споспешествовать; впоследствии воспитания, вместо того чтоб истреблять вредные впечатления, полученные от кормилиц, смотрительниц и иногда от слуг, которым бывают дети преданны, их обыкновенно утверждают еще и учиняют оные непременно. И каким образом родители или наставники, бывши исполненные сами заблуждениями, предрассудками, страстями, тщеславием, могут подумать об исправлении недостатков первоначального воспитания? Каким образом отцы и матери, напыщенные своею порою, подстрекаемые гордостью и привязанностью к богатству, объятые развлекающею их роскошью, нарядами, модами, могут истребить в детях ложные понятия о сих вещах,

от самых нежных лет ими внушенные? Воспитание обыкновенно ныне есть не что иное, как вдохновение страстей и тех привычек, какими люди сами бывают возмущаемы; надлежит самому иметь доказательное воспитание, дабы быть в состоянии сопровождать детей по пути, ведущему к добродетели.

Пример родителей, так как мы уже сказали, делает детей или добродетельными, или порочными. Сей пример есть для них непрерывная неправильная наука, которая сильнее действует над ними, нежели часто повторяемые уроки. Отец пред очами детей своих есть существо самое превосходнейшее, самое могущественнейшее, то, которому они более всего стараются учиниться подобными.

Что может тут произойти, когда родители непостоянны и без нравов. Дитя мгновенно получает желание подражать тем людям, которые им управляют, поелику они почитают их сведущими о средствах, доставляющих им удовольствие, ибо подражать значит не что иное, как испытывать средства, которые употребляя другие получают свое удовольствие или счастье. Тщетно развращенные отцы твердят детям своим: «Делайте то только, что вам говорят, и не делайте ничего того, что вы видите нас делающих». Воспитывающийся сокровенно возразит ему: «Хотя ты волен в действиях своих, однако ты поступил бы иначе, если бы случилось для тебя какое-нибудь удовольствие, которое ты скрыть от меня должен, но я, невзирая на твои наставления, тебе последую».

К частному воспитанию и к всегдашним почти гибельным домашним примерам присоединяются еще обыкновенно вредоносные общие предрассудки, ибо молодой человек, вышедши из рук своих родителей и наставников, поражается первее всего развратными примерами, не слышит, как только учения ложные, находит, что все окружающее его состоит в вечном противуречии с теми правилами, в которых бы его наставить можно было; из сего он составляет заключение *поступать как и прочие*; здравые понятия, которые, если случайно и впечатлелись в его воображении, тотчас истребятся; он предается стремлению и отрекается от правил, служащих как будто к тому только, чтобы почитать их ему смешными и странными, затворяющими только путь, ведущий его к благосостоянию.

Без сомнения, много есть таких родителей, которые чувствуют важность доброго воспитания, знают преподавать оное сами, но сколько есть таковых, кои весьма малое имеют понятие, в чем состоит воспитание, и еще и того менее таковых, кои бы имели способности преподавать его сами и назирать над оным со вниманием. Иногда отец, занятый своими делами, другой, преданный своим удовольствиям, забывают, что у них есть дети. Там мать, в рассеяние погруженная, помышляет только о нарядах, о забавах своих, о любовных хитростях и должностию почитает весьма низкою дстями заниматься. Таким-то почти образом дети разных состояний людей обыкновенно преданы бывают в руки домашне-

го смотрения, ничему полезному их не научающего; в семто обхождении дети провождают время, тут научаются они представлять лице тщеславия и, не быв ни от кого упрекаемы, научаются господствовать над своими слугами. Ничего столь успешно не перенимают, как познание о тех преимуществвах, которые порода и богатство предоставили им к обладанию; самые первые уроки, ими получаемые, суть уроки высокомерия и пороков, ничем уже впоследствии не изгладимых.

Выходя из-под начала слуг и надзирательниц, дитя предается в руки наставника, почасту нимало не имеющего тех качеств, которые бы споспешествовать могли к образованию разума и сердца его воспитанника; по когда счастливый случай представит и такового, имеющего хотя бы и самые редкие качества, однако тщетно будет сообщать оные ученику непослушному и издавна развращенному. Кротость несовместна при воспитаннике высокомерном; строгость опять его возмущает и приводит в негодование его родителей, хотящих, чтобы кровь их уважена была даже и в глупостях, чинимых их детьми. Таким-то образом наставник, всегда воспящаемый⁴, оставляет своего ученика неприязненной судьбе его, не занимает нимало успехами его знания.

Большею частию родители и вовсе не стараются обрести просвещенных наставников, ибо достоинства других для них чужды или бывают предметом их презрения. Благородный

⁴ *Воспящаемый* – задерживаемый, противоборствуемый.

ничем более не занимается, как своею порою, богатый уважает только единое свое богатство; и оба они то только и представляют себе, что как может бедный ученый удостоиться внимания таких людей, каковы они суть. Тот, коего назначили они попечителем к детям своим, не иначе видится им как наемник, как слуга, единое от них уничижение заслуживающий. Отец просвещенный только может во всей силе чувствовать важность препоручения залога, смотрению другого поверяемого, таковой видит в наставнике сыну своему почтенного друга, принимающего бремя воспитания, как к его, так и к потомственному благосостоянию споспешествующего. Несмысленный же, презирающий рачение о сыне своем не понимает, что от него зависеть может как счастье, так и честь всего его семейства. *Ты препоручил сына твоего рабу для воспитания*, говорил древний мудрец⁵ отцу богатому и скупому: *хорошо делаешь! Ибо вместо одного, ты будешь иметь двух рабов.*

Итак, когда мужеское воспитание почти повсеместно пренебрежено, то воспитание женщин, долженствующих быть супругами, матерями, кажется совершенно забыто. Музыка, танцевание, шитье – вот обыкновенно почти вся наука, преподаваемая младым девицам, долженствующим некогда управлять семействами. Вот те совершенства, те качества, которые требуются от того пола, от которого зависит благополучие наше! Мать думает, что она много делает, когда му-

⁵ Имеется в виду Платон.

чит дочь свою безделицами, долженствующими быть для самой ее предметом пренебрежения и дочери внушить такое же о них понятие. Но сии мелочи представляются столь важными для большей части матерей, что учиняются повседневно неисчерпаемым источником негодований, гнева, а для дочерей – источником слез и отчаяния. Вместо того чтоб обратиться сердца их к добродетели, вместо того чтобы заставить их познать должности, которые им некогда исполнять должно, вместо того чтоб украсить разум познаниями, удобными освободить их от скуки, в продолжение их жизни более, нежели мужчин, обременяющей, воспитание их, кажется, печется о том только, чтобы дать им совершенное понятие о нарядах, тщеславии, о модах, о собраниях, балах и театрах, не думая вовсе о внутренних украшениях разума. Преподают уроки волокитства, приучают их к владычеству, которое они в совершенные лета обыкновенно распространяют, наставляют правилам, как можно возбуждать страсти, вместо того чтоб они совершенное от них имели отвращение.

Не должно удивляться, естли видишь женщин, возрощенных иногда в таковых правилах, что не имеют они нужных качеств, споспешествующих общему и частному благополучию, и не знающих и самим себе доставить постоянное счастье.

Не надобно удивляться, видя их впадающих тогда в сети, волокитством поставляемые, находя их бессильными, дабы посредством душевных качеств остановить своих обожате-

лей, которых красота их на несколько минут обольстила. Девушка, которой воспитание ничего лучше не представило, как искусство прельщения, не замедлит показать сего на опыте, когда почувствует, что она свободна; вот следствие хитростей и беспорядков между супругами, вот следствие женского развращения, излишество коего влечет обыкновенно к разорительным забавам и к удовольствиям преступным; от сего-то рождается та пустота разума, что если красота их уже увяла, то учиняет их бесполезными, несносными в обществе, беспокойными и заставляет их или в пронырствах, или в мрачном набожничестве искать своего утешения от скуки, их пожирающей.

Сие очевидно, что жалостное воспитание, женщинам преподаваемое, производит их слабости, неосторожности, легкомыслие и беспорядки в обществе, которые, учиняя их несносными себе и досадными, оканчиваются наказаниями, собственными их слабостями навлекаемыми. Родители, быв без всякого расположения, не думают порядочно научать сии чувствительные существа, не стараются вооружить их против опасностей их собственного сердца, не помышляют вдохнуть в них твердость и добродетель, можно сказать, что они опасаются, чтобы возвышение разума и сердца не отняло чего от приятностей тела. Они не видят сего, что просвещенный разум придает красоте более величества и что добродетель учиняет сию красоту более любезною и занимает место ее, когда она существовать уже не будет. Как ско-

ро увядающие цветы, женщины сотворены нравиться только на некоторое время. Следовательно, не должно ли стараться учинить сие почитание вечным, которое им в рассуждении красоты их оказывают? Сколько красота имеет прелестей, когда она сопровождается стыдливостию, дарованиями, благородием, добродетелями! Женщина благообразная и добродетельная есть зрелище самое восхитительнейшее, какое только природа представить может взорам нашим.

Пол прелестнейший, пол, созданный для распространения сладости и удовольствия в жизни, да не отвратится просвещать разум свой, ибо нужные познания не повредят их приятностей. Да потщатся более всего приготовить сердце свое, природою ко всем гражданским добродетелям расположенное. Да будет сие единственное средство, которым они навсегда будут нравиться; сим получают они лестнейшее владычество, нежели то, которое, раждаясь от их прелестей, мгновенно исчезает; сим остановят они свои чувствования и возбудят их, когда закон того востребует, обратят к себе почитание самое чистосердечное, самое твердое, самое желаемое, и не то, которое рассыпают обманщики, ищущие только воспользоваться слабостию их и легковерием; они будут почтены, отличены во всю свою жизнь, в престарелости и в уединении найдут в своих усовершенствованиях утешение; они наслаются общим уважением, искренностию, предпочитаемую шумным увеселениям и сим ничего не значущим забавам, ничего более не производящим, как мгновенное

удовольствие и скуку беспрерывную.

Всяк, достойно о сем предмете рассуждающий, признается, что примеры, предъявленные римскими и лаке-демонскими женами, могут убедить нас к признанию, что женщины, направляемые воспитанием более мужественным, побосклонны к восприятию величия душевного, патриотизма, восторгов славы, твердости, бодрости – одним словом, великодушных страстей, заставляющих стыдиться сих преданных неге и роскошью изможденных мужчин.

Не можно никоим образом сомневаться, что поведение женщин имеет влияние самое чувствительнейшее на нравы мужчин. Следовательно, все заставляет нас признать, что доброе воспитание, данное самой любезнейшей половине человеческого рода, произведет удивительную перемену в другой. И каким образом сего и прочих гражданских добродетелей достигнуть можно, как не воспитанием учрежденным?⁶ Итак, когда видим, что и в недрах самых лучших семейств совершенное воспитание бывает редко, требуя мно-

⁶ К сему счастливому преобразованию сердец, от общественного воспитания ожидаемому, подает сладчайшую надежду высочайшее покровительство, которым ее императорское величество всемилостивейшая государыня императрица Мария Федоровна удостоивать изволит воспитание благородных девиц, благоволив возложить столь драгое попечение на священную свою особу; таковое покровительство сопровождается равномерным благоволением и рачением о распространении просвещения, о учреждении полых училищ и о исправлении воспитания всеавгустейшим супругом ее всемилостивейшим нашим императором Павлом Петровичем: благополучны училища, под сению таковых покровителей и попечителей процветающие!

гих вспомогательных оному от природы, от знания и обстоятельств действий; когда человек, одаренный всеми добродетелями, редкими качествами, характера приятного и кроткого, неутомимой твердости, глубокого знания о человеке и о раскрытии его разума, единственно занимающийся направлением своего воспитанника, не дающий почувствовать ему, что он им руководствует; когда, говорю, сей человек, невзирая на столько способствующих ему средств, имеет еще нужду, чтобы воспитанник его был счастливого от природы расположения, чтобы родители и окружающие его имели нравственный характер; когда один злой или глупой служитель при мгновенном приближении может опровергнуть попечения многих лет; когда во все продолжение времени он, так сказать, не должен делать ничего, что бы не было или приготовлено, или к пользе употреблено в действие к усовершенствованию воспитывающегося; когда деяния, а не слова; когда пример больше, нежели наставления, опыт вместо правила должны быть образованием человека; когда должность и поведение наставника так должны быть сокрыты от взора воспитывающегося, чтобы он не приметил, что его обучают, но что наставник при нем как сотоварищ, как поверенной, как друг; когда дитя любопытством вестися должно к познанию, свободою к трудам, забавами к упражнению; когда даже в многочисленном обществе так мало находится людей, кои могли бы в настоящем их состоянии дать приличное детям воспитание, и когда, словом сказать, делают оное пре-

трудным рассеянность и склонность к забавам, отвлечения, от тщеславия и гордости происходящие, должности гражданские, предрассудки и заблуждения, почти повсеместно распространившиеся и существенно воспитанию противоборствующие, чрезмерная любовь родителей к детям своим, неуместная бережливость в рассуждении здоровья, мелочное угождение предлагать им всякие услуги, даже и в то время, когда они вовсе нужды не имеют, излишние попечения, производящие в детях некоторое малодушие, некую душевную слабость, удобные истребить всякой род бодрости, чувства собственных сил своих, неважные отличности, малые и ничего не значащие выгоды, вовлекающие наставника в самые трудные обязанности, которые чтобы хорошо исполнить, потребно пространное знание, просвещение и совершенство характера, наконец, развращение нравов, противу коих законы и беспрестанно бывают в борьбе, – все сии препятствия, недостатки не явно ли возвещают, сколь мало можно получить выгод от воспитания домашнего и скольких еще останется неудобств от него опасаться. Вот как частное воспитание способствует мало к произведению отменитых членов общества!

И наконец, обращаясь на все состояния, увидишь, как в простом народе разные причины противоборствуют должному направлению нравов. Бедность и невежество, смерть родителей, нерадение отцов, нужда исправлять свои работы, множество разных других упражнений сих разрядов гражд-

дан, трудами только своими имеющих пропитание и которые, лишены быв, так сказать, рассуждения, не имеют ни малейшего понятия ни о добродетели, ни об отечестве, ни о нравах, иногда развращенные примерами господ своих, нередко размученные изнурениями, они становятся злыми и вовсе не способными вдохнуть детям своим чувствования честные.

Есть ли сии рассуждения довольно доказательны о слабости частных воспитаний, то сколько сказать можно в пользу воспитания общественного и сколь оно действительно предпочтительнее первого, невзирая на неизбежные несовершенства и его сопровождающие!